

Ирина Петрова (Богданова)

Памяти моей мамы
Антонины Даниловны Богдановой

ЛАПКИ КОШАЧЬИ
НА ЖИЗНИ СТРАНИЦАХ

Санкт-Петербург
2001

Ирина Петрова (Богданова).

Лапки кошачьи на жизни страницах. СПб. 2001. - 16 с.

Три коротких рассказа о “братьях наших меньших” - три блика в долгой жизни простой, но по-своему замечательной женщины Антонины Даниловны Богдановой, написанных ее дочерью, свидетельницей тех событий.

Издание осуществлено за счет автора.

Компьютерная верстка - В.Н.Петров

Отзывы и предложения просьба отправлять по адресам:

ii.petrova@narod.ru или vnptr@mail.ru

© Петрова И.И., 2001

БИМКА И БУРЬКА

Шестьдесят лет назад в Севастополе вблизи Приморского бульвара, на четвертом этаже одного из домов по ул. Фрунзе, что ныне называется пр. Нахимова, в коммунальной квартире проживали два небольших семейства: Богдановых (Нина [Антонина], Илья и их дочь Ирина) и Плугиных (Нина, Михаил и мать Нины Анна Николаевна). Илья Богданов с утра до ночи пропадал на своем любимом Морзаводе, куда он, двенадцатилетний паренек, приехавший из Курской глубинки на самостоятельные заработки, поступил работать весной 1905 года. Его молодая жена Нина воспитывала дочь, вела хозяйство и обшивала многочисленных родственников. Дочке часы, проводимые мамой за швейной машиной, очень нравились. Можно было, воспользовавшись крышкой от “Зингера”, играть в путешествия: прощаться, уходить с “чемоданом” в дальний угол комнаты, потом возвращаться и видеть, что твоему “приезду” рады... А еще мама тогда пела: то “Белой акации гроздь душистые”, то грустную песню про “Три эсминца”, которые “взлетели в воздух на минах хитроумных англичан”. И почти всегда в комнате присутствовал третий: большой, сильный кот. Он был темносерым как небо в бурю, оттого и прозвали его Бурька. Родиной его был дом 17 по улице Карла Либкнехта (бывшей Николаевской, а ныне Николая Лунина), что на Корабельной стороне, где жили друзья Богдановых - Куприяновы. Несмотря на большое чувство собственного достоинства, младшей Богдановой, девочке Ире, он многое позволял: то “дрессировку” (после посещения ею приехавшего на гастроли цирка), то укладывание в большую, сделанную на заказ кукольную кровать (покорно клал свою лобастую голову на подушку и долго лежал вытянувшись, укрытый кружевной простынкой).

А за стеной, у Плугиных, шла своя интересная жизнь. Нина, хрупкая, нервная женщина, была художником-любителем,

хозяйство вела мать. Кот у них был небольшой, робкий, бело-коричневый, звали его Бимка. Бурька до глубины души презирал этого “хлюпика”. Днем, при людях, это выражалось в презрительном повороте головы и взгляде, от которого тот жался к стенке, зато ночью... Ночью все коты дома уходили в “ночной клуб” на чердак. Он был сухой, опрятный, хозяйки сушили там белье, особенно те, у кого, как у Богдановых, не было балкона. У Плугиных балкон был. Вход на чердак - с черной лестницы, куда выходила дверь из большой коммунальной кухни. Поутру Анна Николаевна часто выговаривала соседке: “Опять ваш Бурька Бимке ухо разорвал (или нос поцарапал)!”. Вероятно, это не была битва “за прекрасную даму”, а именно выражение презрения. За что? Во-первых, за трусость и ябедничество (да, да!), во-вторых, тот не был добытчиком своей семьи. К семье Богдановых Бурька себя явно причислял, понимал трудности и старался помочь. То на рассвете положит на коврик перед входом в комнату (к ногам хозяйки) огромную крысу, а то совершит “сальто-мортале”.

Но об этом надо сказать особо. Итак, у Плугиных был балкон, край которого находился не менее чем в метре от окна Богдановых. Поскольку о домашних холодильниках в ту пору даже не мечтали (скорее мечтали о полете на Марс), на балконе хранили продукты. Так вот - Бурька умудрялся со своего подоконника прыгать на балкон, производить там “ревизию” и тем же путем приносить хозяйке, что повкуснее. Как-то плюхнул к ее ногам кусок мяса килограмма полтора (прыгал с ним на край подоконника с узенького железного парапета балкона на высоте четвертого этажа!), а однажды приволок связку куропаток почти с него величиной. Дело в том, что Михаил Плугин был страстным охотником (вообще-то он работал в штабе Флота). Как-то и Нину взял с собой. Вернулись довольные: он хвастался охотничьим трофеем, она - букетиком фиалок, который был удивительно художественно разложен по краям глубокой

тарелки. И как же обидно было Бурьке, когда его подарок, добытый с риском для жизни, у него тут же отобрали и отнесли в комнату ненавистного Бимки!

...А потом была война. Плугины и Богдановы покинули город. “Ночной клуб” стал домом осиротевших животных. Но они следили за своей квартирой, и когда изредка там появлялась Анна (сестра Антонины Богдановой, всю войну работавшая на Морзаводе), они тут же оказывались у дверей кухни и просили впустить их. После войны Анна рассказывала, что, когда начиналась очередная тревога, она не шла в убежище. Оба кота старались быть подле нее, но вели себя по-разному. Когда взрывы были близкими, Бурька прижимал уши к голове, вжимался в пол, но молчал, а Бимка громко мяукал. Но, кажется, Бурька прощал ему эту слабость и уже не презирал его. А потом, проломив чердак, вошла в Дом огромная бомба, превратив его в груды известняка, балок, обломков, в кладбище оставшихся там его обитателей, к коим причислить должно и двух соседей - Бимку и Бурьку.

30 октября 2000

МАРТА И МУРКА

В конце ноября 1941 года наша семья из Севастополя, только что ценой самоотверженности моряков-черноморцев выдержавшего первый штурм бронированных частей немецких войск, была эвакуирована в Туапсе. Именно там решено было расположить базу ремонта кораблей Черноморского флота, в том числе и севастопольский Морзавод, где работал мой отец. После нескольких бездомных дней нашли мы пристанище на окраине города в маленьком одноэтажном домике, где жила семья агронома. Как и положено, дом охраняла собака — “дворянка” со следами происхождения от немецкой овчарки. Имя её было Марта (Мартелька). Несла она свою службу исправно, была умна. Быстро усвоила, что мы - свои, но особо

нежничать не любила. Работы у нее было немало: домик располагался почти в лесу, среди холмов. Кроме него, на ул. Армавирской было еще два дома, да, не доходя до нашего (№1), - больница, превращенная в госпиталь. Сторона “нашего” земельного участка, параллельная улице, не имела ограды: границей служил овражек, по дну которого протекал ручей. Погода была дождливой, жидкая грязь на Армавирской доходила мне, десятилетней девочке, до колена. В одну из жутко темных ночей папа, возвращаясь домой из порта, потерял в ней полуботинок (а второй пары он при отъезде не взял с собой, уверяя маму, что через три месяца мы вернемся в Севастополь). Естественно, что ручей в ту пору был полноводным. Дней через десять, под вечер, два хозяйских мальчика взволнованно прибежали к моей маме, держа в руках нечто, с чего обильно капала вода. Оказалось, что это — кошка, только что извлеченная ими из ручья с камнем на шее, “Возьмите ее”, - просили они. “Ну, пусть останется до утра”, - решила мама, постелив какую-то ветошь у входа в дом. Через некоторое время, еще не обсохнув, кошка принесла к порогу большую крысу, доказав тем право на свое здесь проживание (потом выяснилось, что именно охотничий талант, который она не раз демонстрировала в курятнике соседей за ручьем, и послужил поводом для казни). Назвали ее просто - Мурка.

Пришла весна. На ближайшей горке, называемой Варваринкой, обильно зацвели примулы и фиалки, вскоре Марта и Мурка стали ждать появления потомства. Увы, время было жестокое: бомбили Туапсе, чтобы не могли выйти корабли на помощь Севастополю. Хозяин-агроном увез семью в горный аул. Попробовали и семьи заводчан укрыться в горах (убежищ в городе не было). Помню ночь на склоне горы, высокий лес (кажется, то были съедобные каштаны и буки), ковер из анемонов, звезды над головой, сполохи в стороне города и жуткий вой шакалов (их местные жители называли “чикалки”). Нет, уж лучше дома - вернулись.

В начале лета появились “дети”. Мартельке оставили одного щеночка и Мурке — одного, серенького, пушистого. Как же они ухаживали за ними, берегли, никого не подпускали. Даже нам Марта не разрешала гладить свое чадо. А бомбежки все чаще, все лютее. Пришел служащий ПВО и сказал, что нужно вырыть нам Щель, Г-образный окоп с земляным настилом. Пошли мы с мамой в сад (папа почти не появлялся дома), выбрали пустое от деревьев местечко недалеко от ручья и выкопали траншею глубиной меньше нашего роста, длиной метра два (плюс коротенький вход-поворотик), нашли какие-то балочки, фанерки, положили на конец (в “отнорочек”), засыпали землей и стали там пережидать бомбежки. Уж сколько раз слышали противный свист летящих бомб, не счесть...

К началу августа немец подошел к Туапсе совсем близко. Над городом ночами висели “люстры”, хоть читай, отбоев почти не было. На Варваринке стояли зенитки. Стремясь их уничтожить, немцы разбомбили больницу со всеми ее обитателями. Порт в один из дней был превращен в месиво человеческих тел. Кто-то отдал приказ свозить погибших к нашей больнице, их привозили на грузовиках и раскладывали во дворе. Мама ходила смотреть нет ли среди них нашего папы. А “фрагменты” сваливали в кучу напротив нашего дома. И это жарким летом... Вот в таком окружении встретили мы утро 8 августа. Папа ночевал дома и вечером снова обещал придти. Проводив его, обратили внимание, что по двору, жалобно скуля и пища, снуют беспомощные “дети”, а ни Марты, ни Мурки не видать. Звали их, гремели ложкой о кастрюлю (обычно этот сигнал действовал безотказно) — напрасно. Часов в 11 — очередная тревога, мы залезли в свою нору, сидим. Вдруг что-то давящее волнами навалилось на нас, потом грохот оглушающий, земля содрогнулась, посыпалась в открытую часть окопчика... Мама кричит: “Не бойся, у меня лопата в руках, откапаемся!”

Но я не теряю голову, ибо за весну приобрела опыт хождения в школу по проулкам, когда вокруг осколки сыплются (мама про то не знала, а то не пускала бы меня). Всё стихло. Обнаружили, что мы не засыпаны. Вылезли... и не узнали сад. Оказывается, всю обойму бомб всадил летчик в наш участок, а ближайшая воронка — вот она, прямо в ручье, рядом с нами (потом нам сказали, что бомба, тебе предназначенная, на тебя летящая, не свистит)... Бежит служащий ПВО, кричит “Где вы ранены, есть убитые?”. Очень удивился, увидав нас целехонькими. Осмотрелись. С деревьев содрало лист, стряхнуло плоды, домик рухнул. Пошли к нему. Там щеночек лежит мертвый, котенок пищит живой. А родительниц нет как нет. Откуда узнали они о близкой беде, о том, что надо спасать себя ради будущих детей? Загадка. День провели в безуспешных попытках извлечь кое-какие вещи из-под обломков, потом перебрались во двор дома №5, куда я отнесла и котенка. Как стемнело, мама пошла встречать папу, представив, что он подумает, увидав при жутком свете “люстр”, эти воронки, эти развалины. На следующий день перебрались мы в порт, а еще через два дня покинули город.

2 ноября 2000

ЧЕРНУШКА, ВАНЕЧКА, ВАСИЛИЙ

Чернушка

Судьба прочно привязала нашу семью к дому на Корабельной стороне, откуда был родом Бурька — “герой” первого рассказа. Если до войны мы были там частыми и желанными гостями, то, возвратившись из эвакуации осенью 1945 года, мы поселились здесь. Потом, после неожиданной смерти папы в канун 1951-го, судьба сделала нас, меня и маму, на многие годы ленинградцами (я уехала в этот уникальный город еще осенью 1949-го, став студенткой Политехнического

института). Однако в 60-х, когда мама вышла на пенсию, она оказалась востребованной обитателями этого дома, одинокими, больными. Похоронив в 1974 году последнего из них — Аркадия Викторовича Куприянова, она унаследовала этот дом и стала жить в нем, лишь иногда приезжая в Ленинград-Петербург.

К этому времени относится появление в ее дворике, у входа в жилище, очень длинношерстной черной кошки, которая явно дала понять, что хочет считаться здешнею и что это право она будет отрабатывать ловлей домашних грызунов. Назвала мама ее Чернушка. Многие годы так и жила она, настойчиво и громко прося накормить ее, когда видела, что к ее мисочке, стоящей у входа, направляются с едой, по весне пользовалась успехом у окрестных “рыцарей” (фото запечатлело такое “собрание” еще в феврале 1995). Старость проявлялась лишь в своеобразной “седине”: на спине появились сначала коричневые мазки, а потом она стала как бы накрытой коричневой попонкой. Верна была Чернушка и в своем поведенческом в отношении людей кредо: в дом не входить, гладить себя не давать, когтей не выпускать. Лишь в последние годы разрешала она потрогать ее голову и то как бы при этом говоря: “Вы же видите, что мне неприятно, но погладьте чуток, раз уж вам так хочется”, да стала входить дом в холодную пору (быстро прошмыгнет под кресло, стоящее вблизи плиты, и затаится). Такой вот характер. Свободу на уют не меняла...

Василий

Он появился во дворе уже взрослым, худым, несмелым, но каким-то интеллигентным. Время для появления выбрал неудачное, поскольку в то время у мамы паслось целое семейство: Чернушка, ее дочь и внук Мурзик. Много месяцев прогоняли его, но он все равно появлялся и терпеливо ждал, когда насытятся наши коты, чтобы доесть, что осталось. Наконец в один из приездов я сказала маме: “Не надо его прогонять, ему же некуда

идти”. Изменение своего положения он уяснил сразу, и уже через пару дней спокойно спал на дворовой табуретке, закрепив ее за собой. Но ел, конечно, во вторую очередь. Через некоторое время он сделал попытку войти в дом, куда так заманчиво беспрестанно бегали то Мурзик, то его мать. Но ему не позволили. Так и жил он во дворе, постепенно старея. Каким благодарным взглядом отзывался он на мою ласку! Больно мне было смотреть на его униженное состояние, явно проступавшее в его походке, положении головы. Вспоминался герой гоголевской “Шинели”...

В 1998 году я снова сделала попытку урвануть его в правах (к тому времени Мурзик пропал, но появился Ваня). В первый раз он вошел в комнаты робко и вскоре вышел, во второй прошествовал уже на прямых лапах (а не на полусогнутых). Вошел и стал смотреть, что делает Ваня. А тот, как бы желая похвастать своими правами, стал менять места своего возлежания. Сначала улегся на маленький старинный диванчик. Вася сидел на полу. Но вот Ваня соскочил с него и переместился на кресло. Вася тут же улегся на то же место на диванчике. Полежав в кресле, Ванечка перешел в другую комнату на большой диван. Василий тут же занял его место на кресле, а когда первый, удовлетворившись продемонстрированным, ушел совсем, переместился во вторую комнату и улегся на большой диван. Полежав, направился к выходу горделивой походкой с поднятой головой.

Увы, слабенькой маме моей, почти ничего уже не видевшей, трудно было сносить мельтешение котов у ног, и пришлось Васе “отказаться от дома”. И снова поник он, стал быстро худеть и вскоре исчез. Во мне же после его Ухода осталось осознание того, что даже кошки тяжело переживают социальное неравенство, что и они живы “не хлебом единым”. Мир его маленькой душе.

Ванечка

В один из летних дней 1998 года на улице у калитки появился бело-серенький комочек. Ходить он не мог — ползал, но не пищал. Потом я застала его лижущим обглоданную собакой большую кость. Через несколько дней он переполз через порожек калитки и добрался до места кормления наших котов. Он поразил меня внимательным вглядыванием в манеры поведения всех участников трапезы, строго соблюдавших иерархический “этикет”: первых (своих), вторых (полупризнанных), третьих (бездомных). Сам себя поначалу определил в четвертый эшелон, но уже через день переместился в третий. Я сказала маме: “Надо его взять, он умный”. Поскольку как раз за несколько дней до того пропали Мурзик и его мать, согласие было получено. Назвала мама его Ваней. И как же быстро Ванечка усвоил, что он теперь свой, как благодарно лизал мне руки. Поскольку он был почти невесом, легко карабкался по моей одежде к моей шее и тоже лизал ее, мурлыкал. Стал приходить в дом, лежал у мамы на коленях, скрашивая её одиночество, когда я уезжала в Петербург. Приезжая, я становилась для него главной. Я полюбила его, еще не подозревая какую поддержку получу от него в труднейшие дни моей жизни. А они приближались...

Солнечное затмение

Летом 1999-го прибыла я в Севастополь в день солнечного затмения, 11 августа. День уже с утра был особенный: ни облачка на небе, солнце палит с неистовостью, воздух какой-то густой, так что звуки приглушены. Когда затмение началось, вышли мы с мамой во дворик, уселись так, чтобы видеть солнце в просветах виноградной беседки, и стали наблюдать. Интересно, что солнечные блики, проникающие сквозь листву и обычно имеющие вид пятнышек неправильной формы, приобрели вид серии светлых серпиков (многие, заметившие это в пик затмения,

приписали это большой полноте его, но я наблюдала их с начальной фазы). Вскоре пришли к нам все наши коты... В тот же день родилось у меня стихотворное отражение этого события:

...Во дворики- полумрак, но особый, таинственный.

Тишина, серпики малые — на земле, на камнях.

Вывела маму; сели мы с ней во дворе у крыльца.

Тихо пришли и сели вблизи наши коты.

*Точнее: старая кошка Чернушка, зрелый Василий
и подросток Иван.*

Недвижны мы, недвижны они, недвижно всё.

Только Она на солнце ползет.

А когда Солнце стало серпом,

Бесшумно пришел черный бездомный кот

С глазами зелено-огромными

(он заходил не раз доедать пищу “наших”).

Прошел мимо нас и сел чуть поодаль,

Как и они, круглую спину к нам обернув.

Котик Ваня сделал охотничью стойку,

*Желая его прогнать (обычно ж он с ним мирился,
да и силы уж больно неравные).*

Я тихо сказала : “Не надо”. Он внял.

Воздух сгустился, у мамы в ушах зазвенело,

Крик петухов раздавался, кудахтали куры соседей,

Но наша шестерка всё так же недвижно сидела.

Библейская Вечность коснулась крылом нас...

А когда всё вернулось в обычное русло,

Коты разбрелись, появились привычные звуки,

И стало казаться, что нечто ушло безвозвратно.

Но что-то другое, большое, пришло.

Незримо пришло и осталось. Аминь.

Вот так вели себя коты. Не на колени уселся Ванечка, как обычно, не где-то там поодаль улеглась в тенечке Чернушка (как обычно), а расположились они по дуге окружности в метре впереди нас, все в одинаковых позах (сидя, спиной к нам) и неподвижно сидели часа два. А то, что бездомный - сильный, самостоятельный обычно кот, почувствовав, видимо, смуту в душе и тоску космического одиночества, пришел в этот час именно к нам, я восприняла как оказанное нам доверие, как честь и благодарна ему...

Мамин Уход

Уж сколько дней не могла приступить к этому страшному периоду своей жизни, но долг перед Ваней понуждает... Собиралась я к маме приехать в начале февраля 2000 года, но тревожный звонок послал меня в дорогу 30 января. Именно в этот день 68 лет назад родила меня моя необыкновенная мама, и в свои "за 90" не утратившая ни памяти, ни интереса к новому, к серьезному чтению. Приехав, застала ее в жару, с отеком легкого, без медицинского надзора. Поняв, что дело в дыхательных путях и что сердце работает, я начала бороться за ее жизнь (осенью 1998 мне это удалось). В этот раз, увы, опоздала; я смогла только продлить ее жизнь на пять дней, пять ночей, во время которых мы "прошли" с ней нашу жизнь и простились (но даже после прощания вспоминали веселое и даже посмеялись). Трагические, но и какие-то очистительные были дни эти. Теперь я стала лучше... И одним из элементов потрясения был Ваня. Все эти дни он не отходил от ее постели, точнее, он находился в ней. Много раз он пытался лечь ей на грудь, но она не позволяла (видимо, давление его тяжело было), говоря: "Уйди, противный!". Убедившись в тщетности попыток взять на себя ее болезнь, он улегся ей на ноги (именно на ноги, а не в ноги). Когда она задыхалась, я вдвухала ей воздух веером (последние трое суток — непрерывно). Иногда казалось, что

не будет уже следующего вздоха, но Ваня поднимал голову и как бы говорил мне: “Не бойся, я держу ее, она не уйдет”. И вселял в меня надежду. Утром приходила соседка по дому, добрая Зара, отпускала меня на час — умыться, сварить на день побольше манной каши (на двоих с Ванечкой), вздремнуть. Ваня выходил во двор на несколько минут, а потом мы снова дежурили...

Как-то маме совсем плохо стало, вызвал сосед Артем (муж Зары) Скорую помощь. Подошла врач к постели, а Ванечка тут как тут: влез между нею и кроватью, тыкается мордой в руки ей, толкая их к маминой груди. Когда я попросила его уйти, он впрыгнул на кровать в ногах у мамы, подошел, идучи вдоль стенки, к месту, откуда можно прямо на врача смотреть, и несколько раз проделал следующее: внимательный взгляд в лицо врача, взгляд на ее руки и поворот головы к маминой груди. Явная это была подсказка: “Там лечи!”. Значит, понимал цель посещения! В последние сутки он много провел у меня на коленях, но за мамой явно следил. Как мне важно было сознание, что в эти долгие ночные часы со мной рядом понимающий друг! Вдруг он попросил выпустить его. Так бывало, и я знала, что минут через пять он обычно - снова у порога. На сей раз тоже пошла впустить его — никого. Еще несколько быстрых попыток — безуспешно. Я поняла... ЕЕ не стало на рассвете, часа через два после Ваниного ухода. Он же пришел и старался быть со мной только, когда ее увезли.

После “9-го дня” я заболела: жар и слабость не отпускали почти три недели. Ваня был подле, но ложиться мне на грудь не пытался. В мамину комнатку вроде бы не входил. Но вот на “сороковой день” опять совершил нечто запомнившееся. Пред тем, как ехать на кладбище, я наводила порядок на обеденном столе (чтобы потом там поминальный ужин сделать). Ваня спал в другой комнате на моем диване. Вдруг он вскочил, решительно подошел ко мне и повелительным движением попросил меня пройти в мамину комнату. Там он вспрыгнул на

кровать, полежал несколько секунд на месте, где располагалась некогда ее грудная клетка, затем перешел в конец кровати, полежал как бы в ногах ее, далее подошел в краю кровати на уровне стула, где я просидела те пять дней и заставил меня сесть. Я села. Он улегся у меня на коленях (как Тогда). Через несколько минут я, торопясь кончить приготовления, встала. Но до сих пор терзаюсь: а может мамина душа была тогда там и надо было сидеть мне столько, сколько Ваня повелел бы? Я не сделала этого. Пусть же строки эти будут моим покаянием и моей признательностью не только тем людям, что поддержали меня тогда, но и моему маленькому другу Ване.

Прощание Чернушки

Когда я приехала в Севастополь летом этого же года (надо было оформлять наследство), обратила внимание на худобу Чернушки и пропажу у нее того “зверского” аппетита, которым она всегда отличалась. Чуть смягчилось ее сердце, иногда в дом заглядывала, но на руки, разумеется, не только сама не шла, но и старалась тут же высвободиться, если я брала ее. Не то, что Ванечка, который не просто впрыгивал на колени, едва присядешь, а просто требовал, чтобы я занялась сидячей работой. Любил Ванечка и на диван впрыгнуть, когда я расположусь на отдых. Поэтому я не удивилась, когда в какой-то день в конце сентября, читая лежа, услышала я как кто-то прыгнул на валик дивана у меня за головой. Протянула руку, чтобы поприветствовать поглаживанием, и поняла, что это Чернушка. Обернулась: сидит и тыкается головой в ладонь! Потом, как это обычно делал Ванечка, через плечо прошла и улеглась мне на грудь. Полежав минут десять, спрыгнула и направилась к выходу. Я встала, чтобы выпустить ее. На ужин она не пришла, на завтрак тоже... Через несколько дней стало ясно, что она ушла, совсем ушла и что это она приходила прощаться. Со мной и с жизнью. Когда же она поняла, что недобрала она в ней, что сама лишила себя многого? Загадка. Но это прощание я воспринимаю как награду.

Обида

С Ванечкой всегда жили мы душа в душу, а уж в последний приезд — особенно. Спал он ночью, по обыкновению, где-то на свежем воздухе, но утром я первым делом смотрела в окно и, убедившись, что Ваня у крыльца, выпускала его. Приветствия, нежности, завтрак...

Днем у нас с ним “программы” были разные, но вечер мы проводили в тесном единении: я писала, читала или шила, он спал у меня на коленях. Если я была дома, то и он старался его не покидать. Если мы работали во дворе или садике, он был тут как тут, как бы помочь старался (когда виноград собирали, то забирался на беседку вблизи нас). И вот наступил день отъезда. Уже с утра вещи были собраны и поставлены кучкой в дальней комнате. Пришел Ваня, весело вбежал, как обычно, и вдруг остолбенел. Взъерошив шерсть и выгнув спину, вспрыгнул на рюкзак, потом на сумку, посмотрел на меня укоризненно и решительно направился к выходу. И хотя я покинула дом еще через пять часов, он на глаза мне больше не показался. Обиделся, счел вероломством. С этой занозой в душе и уехала. О, сколько этих заноз, серьезных, саднящих, сидит в ней. И все мои, мною заслуженные. Память — единственное облегчение и частичное искупление. Так и живу. Но все равно — жизнь прекрасна. Лет двадцать назад, размышляя о прожитом, я записала:

*Своих проступков я не забываю
И может быть поэтому с годами
я чище становлюсь.
И в этом вижу смысл и оправданье
Счастливому существованью.*

Много бед пронеслось с той поры, и все же и ныне я от этих слов не откажусь.

5-15 ноября 2000